

УДК 323.3

DOI: 10.31857/S0869049923040019
EDN: OYPQIM

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья/ Original article

Левая идеология новых элит: от роскошных убеждений к универсальному гуманизму

© Д.А. ДАВЫДОВ

Давыдов Дмитрий Александрович, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), davydovdmitriy90@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7978-9240

Обосновано, что большая часть современных западных левых политических дискурсов представляют собой идеологию новых, «постбуржуазных» элит. Она включает в себя смесь из концептов, обусловленных постматериалистическими ценностями «когнитивных» элит и «креативного класса». Отмечено, что значительная часть левых прогрессивных идей (включая интерсекциональный марксизм) приводят к политике, которая противоречит интересам бедных и социально уязвимых граждан. Показано, что данное противоречие порождено не только лицемерием новых элит, для которых левые идеи стали способом демонстрации своего статуса («роскошные убеждения»). Ключевая проблема заключается в том, что общество движется к посткапитализму неравномерно. В то время как классический марксизм предполагал первостепенную важность удовлетворения базовых потребностей всех без исключения, сегодня лишь относительное меньшинство индивидов достигает состояния «экзистенциальной безопасности». Данное меньшинство проникается коммунистическими ценностями, однако их антибуржуазный универсальный гуманизм с его широким спектром целей (от идеи «открытых границ» до защиты прав и возможностей «нечеловеческих животных») часто не актуален в мире, в котором большинство людей все еще сталкиваются с материальной нуждой и дефицитом.

Ключевые слова: посткапитализм, коммунизм, антикапитализм, постматериализм, левые, господствующий класс, классовая борьба, аболиционизм, персоналиат, роскошные убеждения, универсальный гуманизм

Цитирование: Давыдов Д.А. (2023) Левая идеология новых элит: от роскошных убеждений к универсальному гуманизму // Общественные науки и современность. № 4. С. 7–21. DOI: 10.31857/S0869049923040019, EDN: OYPQIM.

The Left-Wing Ideology of the New Elites: From Luxury Beliefs to Universal Humanism

© D. DAVYDOV

Dmitriy A. Davydov, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia),
davydovdmitriy90@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7978-9240

Abstract. It is substantiated that most of the modern Western left-wing political discourses constitute the ideology of new, “post-bourgeois” elites. This ideology is a mixture of concepts conditioned by the post-materialist values of the “cognitive” elites and the “creative class”. It is noted that a significant part of left-wing progressive ideas (including intersectional Marxism) leads to policies that counter the interests of a significant portion of the poor and socially vulnerable people. It is shown that the hypocrisy of the new elites, for whom leftist ideas have become a way of demonstrating their status (“luxury beliefs”), is not the only reason for this contradiction. The key problem is the unevenness of the movement towards post-capitalism. While classical Marxism assumed the primary importance of meeting the basic needs of everyone without exception, today only a relative minority achieved the state of “existential security”. This elite minority is imbued with communist values, but their anti-bourgeois universal humanism with its’ wide range of goals (from the idea of “open borders” to the protection of the rights and opportunities of “non-human animals”) is often not relevant in the context of the world in which many people still face material need and scarcity.

Keywords: post-capitalism, communism, anti-capitalism, post-materialism, left-wing ideology, ruling class, class struggle, abolitionism, the personalist, luxury beliefs, universal humanism

Citation: Davydov D. (2023) The Left-Wing Ideology of the New Elites: From Luxury Beliefs to Universal Humanism. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 7–21. DOI: 10.31857/S0869049923040019, EDN: OYPQIM.

Введение

Фраза «левая идеология новых элит» звучит как оксюморон. Действительно, «левизну» в современном политическом спектре ассоциируют с марксизмом или с анархизмом, с защитой интересов социально уязвимых и угнетенных. Левые всех мастей все чаще сходятся во мнении, что системы угнетения пересекаются (концепт интерсекциональности), в связи с чем необходимо синтезировать различные левые идеи, привести их к некому общему знаменателю. Как писал американский социолог Э.О. Райт в своей последней книге, несмотря на то, что левые движения опираются на разнообразную социальную базу (от промышленного рабочего класса до иммигрантов, чернокожих, женщин, ЛГБТК+ сообщества), всех их могут объединять общие ценности в моральной критике капитализма: равенство/справедливость, демократия/свобода и общность/солидарность [Wright 2021]. Американский социолог В. Чиббер, последователь Э.О. Райта, также говорит о необходимости расширять социальную базу марксизма. По его мнению, следует бороться со всеми видами социального угнетения, учитывать расовое и гендерное доминирование [Chibber 2022]. Британский исследователь Дж. Гилберт считает, что социализм XXI в. должен «опираться на наследие различных движений – против расизма и империализма, за освобождение женщин и гомосексуалов» [Gilbert 2020].

Можно по-разному приоритизировать интерсекциональную сеть угнетений и эксплуатации. Однако очевидно, что западная левая политическая мысль сильно сдвинулась

в сторону самых разных тематик от классовой борьбы (если под ней понимать столкновение интересов рабочего класса и буржуазии). Ряд авторов и вовсе говорит о «левом популизме». Бельгийский политический философ Ш. Муфф призывает конституировать «народ», созданный через построение «цепи эквивалентности» среди разнообразия демократической борьбы вокруг вопросов эксплуатации, господства и дискриминации. Такая «стратегия означает подтверждение важности “социального вопроса”, принимая во внимание растущую фрагментацию и разнообразие “рабочих”, а также специфику различных демократических требований, связанных с феминизмом, антирасизмом и проблемами ЛГБТК+» [Mouffe 2022, 14]. Схожей логики придерживаются левые интеллектуалы Н. Срничек и А. Уильямс, которые, правда, больше фокусируются на экономических тематиках вроде «посттруда», базового дохода и т. п. [Srnicek, Williams 2016]. Список возможных направлений «интерсекционального синтеза» постоянно расширяется. В него включают не только права и социально-экономическое положение женщин, представителей ЛГБТК+ сообщества и небелых, но и права и возможности коренных народов, пожилых людей (антиэйджизм), инвалидов (антиэйблизм), людей с избыточным весом, иммигрантов (как легальных, так и нелегальных), животных (или, как сейчас говорят на Западе, нечеловеческих животных). Отдельно выделяют проблему глобального потепления, которую все чаще характеризуют как наиболее острую и требующую срочного решения.

Тем не менее, есть основания считать, что большую часть из всего этого многоголосья левых дискурсов нельзя полноценно отнести к какой-то единой политической категории. Точнее, они относятся к «левым» в наиболее широком смысле: выражают интересы прогрессивных сил, которые стремятся обновить общество. Однако в таком смысле буржуазия в начале своего зарождения тоже была «левой», так как она разрушала старые порядки. Данные дискурсы нельзя считать левыми, если под «левизной» понимать исключительно выражение стремлений обездоленных и эксплуатируемых, борьбу за расширение их возможностей. В работе будет показано, что многие левые дискурсы, претендующие на интерсекциональную универсальность, де-факто выражают интересы новых, посткапиталистических элит. Последние, в свою очередь, не всегда сочетаются с интересами весомой части наиболее бедных и социально уязвимых слоев общества. Движение к посткапитализму на самом деле происходит, но отнюдь не тем путем, который предполагали классики марксизма.

Путь к посткапитализму, минуя революцию рабочего класса

Классическое марксистское представление о революции, которая приводит к новой прогрессивной стадии развития человечества (коммунизму), можно свести к простой схеме: эксплуатируемый класс рабочих, наиболее уязвимый с социально-экономической точки зрения (если не считать выключенных из общественного производства люмпенов), низвергает господствующий класс буржуазии путем демократических реформ или прямой политической революции. Только так может произойти переход от «царства необходимости» к «царству свободы». Суть коммунизма заключается в том, что все должны перестать нуждаться в самом необходимом, в результате чего люди станут полноценными субъектами деятельности. В таком состоянии их не будет заботить повседневная борьба за существование, вынуждающая людей видеть в других людях средство, а не цель. Свобода от необходимости представляет собой свободу от экономики (см. [Кондрашов 2016]), которая позволяет индивиду посвятить свою жизнь «нематериальному»: духовному развитию себя и других, творчеству, заботе о природе, самореализации.

Однако данный сценарий – только один из возможных путей к «царству свободы» и, соответственно, посткапитализму. Его можно условно обозначить как «хороший». Существует и «плохой» путь – это постепенное расширение «доступа» к «царству свободы», но далеко не для всех.

Как будет показано далее, сегодня наблюдается скорее второй вариант становления посткапиталистического общества. По историческим меркам беспрецедентная часть общества освобождается от «цепей необходимости», что вызывает качественные социокультурные преобразования. Люди все чаще занимаются духовным развитием, творчеством, самореализацией, оставаясь субъектами капиталистического мира лишь в меру необходимости (например, чтобы заработать на жизнь, но исключительно в той степени, чтобы освободить время под деятельность по-настоящему ценную). Такому переходу способствовало множество факторов, но основная причина заключается в том, что общий прогресс улучшает качество жизни, позволяя минимизировать время пребывания в капиталистическом мире труда, зарабатывания денег и консьюмеристского благополучия. Можно трактовать эту трансформацию как благо, нечто вроде «капиталистического пути к коммунизму». В конце концов, нет ничего плохого в том, что люди постепенно становятся свободнее в материальном смысле и могут посвящать все больше времени творчеству, саморазвитию, гражданской деятельности и другой активности, не обремененной тяжелыми трудовыми обязательствами.

Проблема заключается в приоритетах. В ситуации «экзистенциальной безопасности» люди перестают мыслить в классовых категориях – их начинают волновать вопросы, не связанные с выживанием. Однако решение подобных вопросов требует серьезных материальных ресурсов – в них остро нуждается другая часть населения, которая по-прежнему живет в капиталистической реальности, повседневно добывая средства к существованию.

В данном контексте можно вернуться к изначально поставленной проблеме о том, все ли современные левые дискурсы по-настоящему левые, и какую роль в их формировании играют новые элиты.

Новые элиты и их интересы

Историю возникновения и постепенного возвышения «постбуржуазных» элит резонно представить не как процесс разрыва с прошлым, а как медленный эволюционный отбор, в рамках которого старые капиталистические элиты частично «мутировали», что способствовало видовым изменениям («синтез элит»). Американский социолог Д. Белл ассоциировал посткапитализм с возвышением класса образованных профессионалов в условиях постиндустриального общества. Он считал, что будущее отнюдь не за капиталистами как собственниками средств производства (владельцами «физического капитала»), а за наиболее образованными и компетентными меритократическими или технократическими элитами [Белл 2004]. Прогноз ученого оказался верным: сегодня многие авторы изучают проблему меритократического характера современных элит (см. [Sandel 2020; Markovits 2019]) и указывают, что наиболее богатыми все чаще становятся не капиталисты, а «исключительные» наемные работники. Примечательно, что Белл был склонен критиковать марксизм, так как он считал, что посткапитализм приведет лишь к смене элит при радикальном неравенстве талантов – автор позаимствовал эту идею из известной антиутопии М. Янга «Возвышение меритократии» (1958 г.). В дальнейшем различные авторы развили данное направление мысли. Посыл оставался неизменным – постбуржуазность не означает обязательного эгалитаризма и социального равенства. К примеру, в начале 2000-х гг. американский экономист Р. Флорида разработал теорию «креативного класса»,

представители которого занимаются творческим «трудом», однако сохраняют статус переловой, элитной социальной прослойки (хотя внутри этого класса есть свои победители и проигравшие) [Флорида 2016].

По мере становления информационных и постиндустриальных обществ и соответствующей реконфигурации элит наблюдались широкие ценностные сдвиги, которые больше всего затронули именно представителей элитных прослоек. Послевоенный экономический рост, развитие институтов государства всеобщего благосостояния и научно-технический прогресс позволили обеспечить «экзистенциальную безопасность» для большей части развитого мира. Наиболее преуспевающей части человечества все меньше приходилось думать о средствах к существованию, в то же время рос их интерес к самореализации, самовыражению, гражданским правам и свободам, окружающей среде.

Американский социолог Р. Инглхарт с 1970-х гг. регулярно демонстрировал сдвиг от «материалистических» к «постматериалистическим» ценностям («тихая революция»), опираясь на данные международных социологических опросов [Inglehart 1977; 1997]. Типичный «материалист», сторонник авторитарного порядка, считает наиболее актуальными экономические проблемы, выступает за протекционизм и традиционные ценности. Типичный постматериалист расценивает демократию как высшую ценность, он терпим и открыт, склонен бороться за права представителей ЛГБТК+ сообщества, приветствует этническое и религиозное разнообразие, выступает за открытые границы и космополитизм, а также часто задумывается о проблемах, вызванных чрезмерным потреблением и экономическим ростом, вроде глобального потепления [Norris, Inglehart 2019].

Соответственно, с одной стороны весомая часть общества по-прежнему страдает от острой экономической нужды. С другой стороны, растет прослойка постматериалистов, для которых приоритетнее иные проблемы. Они составляют преобладающую часть новых элит, так как образованные и творческие люди больше ценят свободу и социальное разнообразие, новые возможности самовыражения. Ловушка заключается в том, что политические дискурсы постматериалистов легко мимикрируют под левый идейный проект: капитализм можно обвинять не только в материальной бедности рабочего класса, но и в системном («культурном») угнетении (расизме, сексизме и т.д.), загрязнении природы, антропоцентризме и других проблемах. Соответственно, сегодня часто встречаются попытки сконструировать интерсекциональную версию марксизма [Bohrer 2019]. В данном контексте следует задать вопрос о том, в какой очередности следует решать проблемы, порожденные капитализмом, и как расставлять приоритеты в этом процессе.

Противоречия стали очевидны еще на заре постматериализма. Как показывает в своей книге «Долгий '68» британский историк Р. Вайнен, «контркультурные» протесты «новых левых», базу которых составляли молодежь и студенты, сильно контрастировали с профсоюзной борьбой рабочего класса. Простые работники значительно расходились в интересах с молодыми представителями среднего класса, многие из которых были знакомы с трудами классиков неомарксизма (хотя вторые и пытались всячески «внедриться» в ряды первых). «Люди 68-ого» занимались вопросами, которые не вовлекали их в прямые конфликты с капитализмом, – расовыми, гендерными, экологическими. «Несмотря на рассуждения об интересах пролетариата, – пишет Вайнен, – многие из лидеров 68-ого все-таки принадлежали к среднему классу. Кроме того, важными особенностями 1980-х годов стали, с одной стороны, успех левых из среднего класса, которые сосредоточились на культурной проблематике, и одновременно поражение левых из рабочего класса, которые ориентировались на социальные требования» [Вайнен 2020, 459]. Приведенное замечание остается актуальным и сегодня. Многие исследователи пишут о том, что современные левые круги слишком мало уделяют внимания категории класса, отвлекая политиче-

ское внимание общественности на «культурные» вопросы вроде «системного угнетения» (расизм, сексизм, эйджизм, эйблизм и пр.) [Кагарлицкий 2017; Embery 2020].

«Прогрессивная» часть общества переносит политическое внимание в область постматериального, вытесняя вопросы бедности и социально-экономического неравенства на второй план. Следовательно, интересы постматериалистов вступают в прямое столкновение с интересами «материалистов». Как будет показано далее, соответствующая ситуация встречается часто. Если индивид сыт, не испытывает нужды в элементарных благах, образован и востребован в условиях глобальной экономики, ему гораздо проще занимать аскетическую антибуржуазную позицию (например, критикуя консьюмеризм в рамках борьбы с глобальным потеплением). Он также более открыт для новых (относительно «старой» левой повестки) и экспериментальных, но достаточно рискованных с экономической и политической точки зрения явлений: привлечение беженцев и трудовых мигрантов в страну, максимизация культурного и религиозного разнообразия и др.

Исследование политической жизни элитных пригородов Бостона (расположены рядом с «Шоссе № 128») в 1960–80-х гг., проведенное профессором истории Л. Гейсмер, продемонстрировало проблемы постматериалистической «тихой революции». В них (Лексингтон, Ньютон и др.) обитал тот самый «образованный» и «креативный» класс. Его представители работали в высокотехнологичных отраслях и университетах вроде Кембриджа и Массачусетского технологического института. Они преимущественно разделяли прогрессивные ценности антирасизма, феминизма, защиты окружающей среды и др.

Однако, как показывает Л. Гейсмер, постматериализм и антибуржуазность новых элит постоянно оборачивались ограниченностью и слепотой по отношению к более фундаментальным проблемам, порождающим бедность. Так, жители пригородов озаботились вопросом расовой сегрегации в школах: в пригородных учебных заведениях качество образования лучше, чем в бедных районах Бостона с большой концентрацией чернокожего населения. Тем не менее, принятые меры ограничивались выделением небольшой квоты для чернокожих в пригородных школах, которые финансировались не из местного бюджета. Детей перевозили из Бостона на автобусах. Более радикальные предложения, например, строительство недорогого жилья для семей афроамериканцев, встретили протест местных жителей, которые беспокоились о возможном снижении стоимости своих домов, – в США количество чернокожих в районе обратно пропорционально коррелирует со стоимостью недвижимости. Любые предложения, которые могли бы реально расширить доступ бедных к инфраструктуре пригородов, постоянно отвергали. Подчас такие отказы оправдывали экологической повесткой: под предлогом защиты окружающей среды муниципалитеты выкупали открытые пространства для новых парковых зон, что способствовало дальнейшему росту цен на пригородную недвижимость и, соответственно, сегрегации. Борьба за гражданские права ограничивалась терапевтическими, а не системными мерами (попытки преодолеть «стереотипы», убеждая риелторов разрешить продажу домов отдельным состоятельным чернокожим, и др.) [Geismer 2014].

Кейс пригородов «Шоссе 128» показателен в контексте происходящего сегодня в больших масштабах. Однако с тех пор левые постматериалистические дискурсы стали более радикальными и «более марксистскими».

От «роскошных убеждений» к универсальному гуманизму

Американский экономист Т. Веблен в книге «Теория праздного класса» (1899 г.) описывал феномен демонстративного потребления. Оно присуще буржуазному классу, ведущему праздный образ жизни. Представители этой группы способны демонстрировать свой

статус с помощью «бесполезных» дорогих вещей и изысканных манер. Именно денежный капитал или покупательная способность были определяющим фактором для вступления в класс «праздных» [Веблен 1984]. Как считал Веблен, социальные механизмы в основе статусных иерархий с праздным классом во главе возникли достаточно давно – они не порождены одним лишь капитализмом. Многие «непроизводительные» сферы деятельности элит считались крайне почетными до капитализма: война, спорт, охота. Их ассоциировали с честью, благопристойностью, незапятнанностью тяжелым или рутинным трудом.

Может ли у посткапиталистического общества быть свой «праздный класс» или его аналог? Сегодня многие исследователи выстраивают концепции, которые либо очень похожи на концепцию Веблена, либо напрямую на нее ссылаются. Однако они описывают уже не буржуазию. Американский журналист Д. Брукс в 2000 г. предложил термин «бобо» (буржуазная богема). В этой социальной прослойке можно увидеть прямое воплощение постматериализма «образованного класса». Сдержанность и материализм старых буржуазных элит постепенно заменялись богемным самовыражением, стремлением разрушить любые препятствия перед свободной творческой личностью («жизнь как сплошная аспирантура»). Буржуазное накопительство, в свою очередь, замещается постоянной тратой денег на новые впечатления, а бизнес превращается в процесс раскрытия своего потенциала с целью изменения мира [Брукс 2013].

Сегодня можно сделать вывод, что «бобо» были промежуточным социальным образованием, «мостом» между буржуазией и новыми элитами. Американская исследовательница Э. Каррид-Халкетт через 17 лет после Брукса выделила уже амбициозный (aspirational) класс. «Бобо» пытались примирить свои нематериалистические и контркультурные ценности с вновь обретенным богатством, что приводило к дорогостоящим потребительским привычкам (добродетельно потратить 25 тыс. долларов на ванную комнату, но вульгарно платить 15 тыс. долларов за аудиосистему и широкоэкранный телевизор). Представители этого нового класса, который состоит в основном из образованных элит, дистанцируются от обычных материальных благ не потому, что их не устраивает богатство, а из-за того, что они не считают материальные блага подтверждением статуса. «Именно стремление членов амбициозного класса приобретать знания и использовать эту информацию для формирования социально и экологически сознательных ценностей отличает их от всех остальных, что приводит к тому, что помидор ценой в 2 доллара, выращенный на семейной ферме, является более символически весомым, нежели белый Range Rover», – пишет автор [Currid-Halkett 2017]. Материальные ценности стали слишком доступными для широких слоев населения. Они уже не сигнализируют об уровне благополучия, который принципиально недоступен низшим слоям. Дорогую машину или одежду можно купить в кредит или приобрести подделку, трудно отличимую от оригинала. Гораздо сложнее обрести ценности, которые требуют высокого уровня образования или соответствующего культурного развития.

Новые элиты демонстрируют статус, обеспечивая качественное образование своим детям или высвобождая время для саморазвития посредством «невидимых» благ вроде найма домработниц. Еще сильнее их выделяет гражданская позиция, которая состоит из набора постматериалистических приоритетов: от борьбы за гражданские права «угнетенных» до экологической «просвещенности». Нетрудно увидеть среди представителей амбициозного класса большую часть «культурных» марксистов или сторонников синтеза интерсекциональности и марксизма (например, различные левые «критические теории») активно распространяются в университетских кампусах [Pluckrose, Lindsay 2020]).

Тем не менее, речь по-прежнему идет об элитах – людях, чье материальное положение остается привилегированным. Э. Каррид-Халкетт замечает, что «левизна» амбициозного

класса может способствовать прогрессивным изменениям (например, добродетельные покупки экопродуктов), однако она также способна порождать огромное количество проблем. Так, через свой тонкий и «незаметный» выбор того, как тратить, как себя вести и что ценить, представители амбициозного класса укрепляют особое социокультурное (и часто экономическое) положение своих детей, формируя наследственную касту и оставляя всех остальных в стороне. Их уверенность в своих решениях и кажущаяся заслуженность собственного социального положения позволяет представителям этой прослойки не обращать внимание на возрастающее вокруг них экономическое неравенство.

Левая сознательность амбициозного класса в чем-то схожа с прогрессивностью жителей «Шоссе 128» 1960–80-х гг. Она точно также оторвана от реалий наиболее бедных слоев населения. Представители этого класса покупают более дорогие продукты в «зеленых» магазинах вроде Whole Food, где продают мясо с «гуманных» ферм или клубнику без пестицидов. Однако сами по себе такие магазины – это символы джентрификации, вытесняющей бедняков из «прогрессивных» районов по причине роста стоимости аренды. Общественное сознание, в котором продукты Whole Foods (и фермерские рынки) обладают большей ценностью, чем обычные, придает удовлетворению личных желаний и идентичности более высокую значимость, чем коллективным действиям для решения крупных социальных проблем. Левые антиглобалистские ценности амбициозного класса могут быть прогрессивными, если рассматривать их с позиций справедливой торговли, локализма и антиэксплуатации. Тем не менее, как отмечает Э. Каррид-Халкет, есть нечто «наивное в их антииндустриальном и антиглобалистском настрое. Глобализация и свобода торговли, возможно, привели к перемещению некоторых рабочих, но они создали рабочие места во многих частях мира, остро нуждающихся в экономическом росте» [Currid-Halkett 2017, 121].

Докторант Кембриджа Р. Хендерсон развивает мысль Э. Каррид-Халкетт. Он разработал новый концепт «роскошных убеждений», на который сегодня все чаще ссылаются исследователи¹. Автор также развивает идею Веблена, применяя ее к современным элитам. Как отмечает Хендерсон, во времена Веблена люди демонстрировали свой статус изысканной одеждой или участием в великосветских мероприятиях (гольф, псовая охота и др.). Сегодня же материальные блага стали слишком зашумленным сигналом, в результате чего богатые люди связывают социальный статус не с благами, а с убеждениями. Первым же примером в его работе стало одно из актуальных направлений современных левых дискурсов: антиполицейский аболиционизм, который активизировался после протестов движения Black Lives Matter весной-летом 2020 г.². Действительно, появляется все больше трудов разной степени радикальности и принадлежности к марксизму, авторы которых критикуют американскую (и не только) полицию и выступают за сокращение ее финансирования (см. [Kaba, Ritchie 2022; Purnell 2021] и др.). Общая линия аргументации сводится к тому, что правоохранительные органы неэффективны, их сотрудники представляют собой часть системы, которая угнетает наиболее уязвимых (расовые меньшинства, представители ЛГБТК+ сообщества, женщины), а расходы на содержание полиции слишком высоки. Соответственно, данный институт нужно ликвидировать, вложив высвобожденные средства в развитие местных сообществ и «системное» предотвращение преступно-

¹ Например, ряд исследований показывает, что богатые либералы часто голосуют против своих экономических интересов за демократов. Для них ценности оказываются «роскошь», ради которых можно пренебречь собственными интересами [Enke, Polborn, Wu 2022].

² Henderson R. (2022) Luxury Beliefs are Status Symbols. The struggle for distinction. Rob Henderson's Newsletter. 12 Июнь. 2022 г. (<https://www.robkhenderson.com/p/status-symbols-and-the-struggle-for>).

сти (наим психологов и социальных работников для предотвращения конфликтов, борьба с бедностью и т. д.)³. В каком-то смысле временная частичная «ликвидация» полиции действительно произошла весной-летом 2020 г., когда огромное количество полицейских участвовало в подавлении массовых беспорядков, а их работа была настолько дискредитирована, что многие сотрудники уволились. Резко возросла преступность, в результате чего пострадали прежде всего небогатые чернокожие. Как отмечает одна из давних критиков мифа⁴ о повсеместном расизме в американской полиции Х. Мак Дональд, по меньшей мере 7484 афроамериканца были убиты в 2019 г., но уже в 2020 г. показатель возрос до 9941 (на 2457 больше по сравнению с предыдущим годом). Если в период с 2010 по 2019 гг. жертвами убийств становились в среднем 6927 чернокожих американцев, то в 2020 г. количество таких случаев возросло на 43% по сравнению со средним показателем за предыдущие 10 лет⁵. Р. Хендерсон указывает, ссылаясь на данные социологического опроса YouGov, что американцы с самым высоким доходом больше всего поддерживают лишение финансирования полиции. Они могут позволить себе занимать эту позицию, потому что живут в безопасных, часто закрытых сообществах и могут нанять частную охрану [Henderson 2022].

«Роскошные убеждения» чрезвычайно распространены. Так, тема экологии и глобального потепления сегодня становится для левых универсальным аргументом при критике капитализма. Глобальное потепление действительно существует, и потенциально оно может повлечь за собой негативные или даже катастрофические последствия. Однако до сих пор идут споры о том, не наносят ли попытки «лечить болезнь» больших увечий, чем сама «болезнь». Многим «прогрессивным» левым сложно признать, что «зеленая» энергетика пока еще значительно дороже традиционной (хотя стоит отметить, что солнечная и ветряная электроэнергия стремительно дешевеют).

Попытки целенаправленно форсировать переход к возобновляемым источникам энергии сильно бьют по карманам представителей социально уязвимых слоев населения, для которых любое повышение цен на коммунальные услуги становится существенной проблемой (к примеру, в Германии, активно внедряющей «зеленую» энергетику, стоимость электроэнергии самая высокая среди развитых стран⁶). Есть основания считать, что полный «зеленый переход» либо невозможен вовсе, либо он повлечет за собой колоссальные глобальные экономические издержки. Одновременно бремя «зеленой экономики» ляжет преимущественно на развивающиеся страны и те государства, что острее всего нуждаются в дешевой энергии для повышения благосостояния своих граждан [Shellenberger 2020; Lomborg 2020]. До сих пор непонятна неприязнь левых «зеленых» к ядерной энергетике, которая способна значительно снизить потребление угля, нефти и газа.

Однако «зеленый» антикапитализм могут позволить себе живущие в развитых странах университетские интеллектуалы или активисты. Дискуссии о глобальном потеплении крайне актуальны для просвещенных посткапиталистических элит, но вряд ли в них

³ Данные спорные тезисы требуют отдельного внимания.

⁴ Исследование 2019 г., опубликованное в Proceedings of the National Academy of Sciences, не выявило никаких доказательств «античерного» различия между стрельбой со смертельным исходом со стороны полиции. Как у белых, так и у чернокожих людей гораздо больше шансов быть убитыми знакомыми представителями своей расы, чем быть застреленными полицией [Johnson et al 2019].

⁵ Colton E. BLM silent when confronted with data showing massive 2020 spike in Black murder victims. Fox News. 19.04.2022. (<https://www.foxnews.com/us/black-lives-matter-silent-2020-black-murder-spike-experts-blm-defund-contributed>).

⁶ Эффект зеленой энергетики: немцы доигрались до самой дорогой электроэнергии. EurAsia Daily. 15.01.2021. (<https://easaily.com/ru/news/2021/01/15/effekt-zelenoy-energetiki-nemcy-doigralis-do-samoy-dorogoy-elektroenergii>).

заинтересованы жители деревни на другом конце света, основной вид энергетического ресурса в которой дрова и навоз. Соответственно, комментаторы, скептически настроенные по отношению к «зеленому алармизму», все чаще отсылают к концепту «роскошных убеждений»⁷.

Другой пример «роскошных убеждений» – «война против семьи», которую ведут некоторые современные радикальные феминистки. Так, своими нападка на «буржуазную семью» известна немецко-британский автор С. Льюис, выступающая за «полное суррогатное материнство» и «гестационный коммунизм», что подразумевает новое определение связи между матерью и ребенком [Lewis 2019]. По ее мнению, нужно уничтожить «гетеронормативность», полностью отказаться от родства и развивать отношения, которые можно охарактеризовать как товарищеские. С. Льюис считает, что воспитание детей должно быть общей обязанностью всего общества. Любые законные права родителей на «своих» детей следует упразднить, каждому ребенку нужно предоставить свободу выбирать свою судьбу: «семья должна быть упразднена, даже если к ней стремятся, мифологизируют, ценят и воплощают люди, не являющиеся ни белыми, ни гетеросексуалами, ни буржуями, ни колонизаторами» [Lewis 2022, 40]. Британская журналистка Л. Перри в этом контексте отмечает, что подобного рода «радикальная» критика не учитывает довольно негативную тенденцию последних лет. Сегодня 64% американцев из верхней трети шкалы доходов живут в первом браке, то есть они никогда не разводились, в то время как на нижней трети шкалы доходов в таком браке живут лишь 24% людей. Речь идет о воспитании детей в полных и неполных семьях. Исследования последних лет еще сильнее усложняют картину: «мальчики без отца чаще оказываются в тюрьме, девочки-подростки чаще беременеют, и, кроме того, у всех этих детей чаще возникают поведенческие и эмоциональные проблемы. И дело не только в отсутствии финансовой поддержки со стороны отца. Ведь перед матерями-одиночками вообще встает почти невозможная задача – справиться со всем самостоятельно: с заработком денег, а еще с попечением, социализацией и воспитанием детей» [Перри 2022, 265]. Возможно, в «светлом коммунистическом будущем» доступные детские сады и материальное изобилие позволят решить эту проблему, однако «левая» критика здесь и сейчас способствует разрушению семьи, которая выступает немаловажным фактором материального благополучия. Очевидно, что в данном примере левая идея несет в себе меньше потенциальных рисков для тех, кто не находится в нижней трети шкалы доходов.

Следует отметить, что концепт «роскошных убеждений» не раскрывает все стороны идеологии новых элит: постматериалистические ценности и идеологемы предстают исключительно как средства самовыражения богатых. Однако данный подход не отражает реальное положение дел. Многие сторонники современных левых идей не относятся к богатым слоям населения и искренне верят в то, о чем говорят. Основная проблема современных левых дискурсов не в лицемерии богатых, а в левых гуманистических ценностях. Классики марксизма предполагали, что эти идеи будут воплощены в жизнь скорее после, чем до освобождения от материальной нужды всех жителей планеты. В нынешней ситуации некоторая часть людей уже живет в соответствии с комму-

⁷ Научный сотрудник австралийского Института общественных дел Ц. Хасси отмечает: «На более высокие цены на электроэнергию богатые избиратели могут не обратить внимания, Они хотят, чтобы правительство взяло на себя обязательство по сокращению выбросов. Но для австралийцев из рабочего и среднего класса ликвидация их рабочих мест, опустошение их местных общин и энергетическая бедность являются слишком реальными последствиями политики, за которую они никогда не голосовали». В: Hussey C. The danger of “luxury beliefs”. Spectator Australia. 07.10.2021. (<https://www.spectator.com.au/2021/10/the-danger-of-luxury-beliefs/>).

нистическими идеалами в мире, который по-прежнему раздираем нуждой, дефицитом и ограниченностью базовых ресурсов. Левый гуманизм становится универсальным в ситуации, когда он должен быть прежде всего классовым. Типичным примером такого противоречия можно считать борьбу за права животных. Сегодня все больше левых авторов считают, что животные должны обладать полным набором прав и, что важнее, возможностей для процветания, ведь, по их мнению, они так же к чему-то стремятся, испытывают эмоции, обладают сознанием и т. д. [Nussbaum 2023]. Однако данная проблема не может быть решена без определенных ограничений: придется выбирать между благосостоянием и возможностями для максимального количества людей или всем тем же для максимального количества «нечеловеческих животных». Всякая активная борьба за права животных, страдающих от индустриальной цивилизации, в материальных условиях сегодняшнего дня неизбежно сталкивается с интересами людей, причем преимущественно наиболее бедных. В данной ситуации универсальный гуманизм порождает концептуальные противоречия.

Концепт «открытых границ» отражает один из центральных аспектов современного левого универсального гуманизма. Иммигрантов (как легальных, так и нелегальных) часто изображают жертвами глобального империализма. Левая этика призывает к отмене ограничений на иммиграцию. Противников неконтролируемой иммиграции объявляют фанатиками или фашистами, а Иммиграционная и таможенная полиция США (ICE) становится одной из главных мишеней американских аболиционистов [Uhlmann 2019]. Однако не все прогрессисты согласны с такой позицией. Дело в том, что в условиях крайне ограниченных ресурсов интересы левых активистов могут противоречить интересам их собственных соратников. Пока одни авторы считают, что США нужен миллиард жителей [Yglesias 2020], другие осознают, какую угрозу нерегулируемая иммиграция несет для экосистем Северной Америки [Cafaro 2015]. Здесь также возникает противоречие с нуждами бедных. Исследователи склонны считать, что иммиграция способствует росту ВВП, однако с влиянием иммиграции на уровень социально-экономического неравенства все сложнее. Можно предположить, что имеет место негативный эффект: неконтролируемый поток дешевой рабочей силы способствует «заморозке» минимальной заработной платы и снижает переговорную силу рабочих без высшего образования⁸. Исследователи пытались описать это явление математически, но из-за сложности учета многих переменных их изыскания приводили к противоречивым результатам.

В данной ситуации можно обратиться к опыту конкретных рабочих и к тем повседневным проблемам, с которыми они сталкиваются. Ф. Кафаро провел множество интервью с американцами без высшего образования и пришел к выводу, что все больше и больше таких людей испытывают трудности из-за конкуренции с нелегальными мигрантами и дешевизны их рабочей силы. Более того, сами иммигранты страдают от конкуренции с другими иммигрантами даже больше, чем коренные жители [Cafaro 2015]. Распространение дешевой рабочей силы иммигрантов отчасти объясняет, почему в США очень долгое время реальные доходы наиболее бедных практически не росли: они соглашались на любую зарплату, так как в противном случае их заместят иностранцами⁹.

⁸ Как показал исследователь из Гарварда Дж. Борхас, увеличение на 10% численности работников с определенным набором навыков, вероятно, снижает заработную плату этой группы по крайней мере на 3% [Borjas 2016].

⁹ Можно возразить, что данная точка зрения отражает интересы бедных, живущих в богатых странах, но не интересы бедных иммигрантов. Подобная позиция имеет свои основания: это крайне сложный вопрос, который требует отдельного рассмотрения. Следует отметить, что тактику «открытых границ» можно рассматривать и как способ спасти некоторую часть бедных из стран третьего мира. Однако она также представляет собой сво-

Можно привести много примеров того, как «роскошные убеждения» и универсальный гуманизм порождают дискурсы, которые противоречат либо друг другу, либо интересам значительной части бедного или социально уязвимого населения: от восстания против буржуазных сексуальных норм и уважения к «секс-работе» («тоже работе») до борьбы с тюрьмами. В подобных дискурсивных миксах из прогрессивных ценностей периодически механически и рутинно (для «галочки») упоминается рабочий класс с его материальными проблемами. Однако этот «рабочий класс» уже начинает осознавать, что называющие себя левыми движения в действительности мало что для него делают, но все в большей мере занимаются «потреблением» своих «роскошных убеждений» и считают себя истинными гуманистами в мире, в котором холодный прагматизм мог бы принести гораздо больше пользы.

Заключение

Путей к посткапитализму много. Его можно представить как общественную систему, которая выстраивается по мере целенаправленного вытеснения или даже разрушения капитализма. Однако посткапитализм может быть чем-то вроде «добавленной реальности»: его внутренние противоречия вплетаются в столь же противоречивое полотно капитализма. В таких условиях значительная часть людей может начать жить в соответствии с ценностями, о воплощении которых когда-то мечтали Маркс и Энгельс. Действительно, идеи уничтожения полиции (и отмирания государства следом за ней), открытых границ, упразднения буржуазной семьи, заботы об окружающей среде (экологическими вопросами К. Маркс тоже часто задавался [Foster 2015]) вполне могут соответствовать идеологии коммунизма. Нельзя сказать, что современные левые прогрессивные ценности не имеют к марксизму никакого отношения. Однако дьявол кроется в деталях. К. Маркс и Ф. Энгельс размышляли прежде всего о состоянии, при котором все жители планеты Земля обретут свободу от материальной нужды. Только после такой трансформации логично переходить к решению менее острых вопросов. Сегодня же наблюдается обратная ситуация: переход к посткапитализму сопровождается сдвигом приоритетов от «материального» к «нематериальному», причем руководят этим процессом представители немногочисленной социальной прослойки, для которой «материальное» уже не столь актуально. Иными словами, ценности, ныне относимые к левым, становятся идеологией новых (их можно также назвать «обновленными») элит, а не подавляющего большинства населения планеты, для которого время изобилия, открытости и разнообразия еще не наступило.

Упомянутые элиты объединяет ряд характерных черт: они хорошо образованы, часто востребованы в современной креативной экономике и не нуждаются в базовых материальных благах, поскольку их основные материальные потребности уже удовлетворены. Можно также добавить, что представители этого класса также обычно контролируют ключевые дискурсивные потоки: они широко представлены в университетах, СМИ, социальных сетях и в творческих профессиях (см. концепцию персоналиата [Давыдов 2021; 2022]). Прогрессивные ценности представляют собой часть конструируемых образов, позволяющих привлечь внимание к личности или сигнализировать о статусе (уровне

сообразный «пылесос», который вытягивает из развивающихся стран человеческий капитал (в массе мигрантов представлена не только необразованная дешевая рабочая сила, но и инженеры, врачи, учителя и прочие квалифицированные специалисты, ищущие более комфортных условий). Одной из рациональных левых стратегий могло бы быть не поощрение максимальной иммиграции в развитые страны, а создание условий для развития тех стран, откуда люди стремятся выехать.

образования, культурном бэкграунде и т. п.). Феномен «роскошных убеждений» примечателен тем, что наиболее богатые могут позволить себе придерживаться прогрессивных идей, в то время как для наиболее бедных подобная переориентация элит не приводит к положительным последствиям. Она или отвлекает внимание от классовой борьбы на менее значимые проблемы (например, борьбу за участие трансженщин в женском спорте в условиях разрушения всех преград на пути к самовыражению), или вовсе перераспределяет и без того скудные планетарные ресурсы на решение проблем, актуальных исключительно для постматериалистов.

Как было показано, не все проблемы современных левых дискурсов можно охарактеризовать исключительно с помощью концепта «роскошных убеждений». Даже если определенные левые идеологи (среди которых много марксистов) искренне верят в свои убеждения, их универсальный гуманизм может сильно контрастировать с миром ограниченных ресурсов, который требует правильной расстановки приоритетов, а подчас и холодного прагматического расчета. Иными словами, возможно, что многими ценностями «прогрессивных» левых стоит пожертвовать, чтобы вывести человечество из нищеты. В любом случае остается вопрос: о каких левых мы говорим?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 944 с.
- Bell D. (2004) *Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Academia. 944 p. (In Russ.)
- Брукс Д. (2013) Бобо в раю: Откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем. 296 с.
- Brooks D. (2013) *Bobo v raju: Otkuda beretsja novaja jelita* [Bobo in Paradise: Where the New Elite is Coming From]. Moscow: Ad Marginem. 296 p. (In Russ.)
- Вайнен Р. (2020) Долгий '68. Радикальный протест и его враги. М.: Альпина нон-фикшн. 627 с.
- Vinen R. (2020) *Dolgij '68. Radikal'nyj protest i ego vragi* [The Long '68. Radical Protest and Its Enemies]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 627 p. (In Russ.)
- Веблен Т. (1984) Теория праздного класса. М.: Прогресс. 368 с.
- Veblen T. (1984) *Teorija prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress. 368 p. (In Russ.)
- Давыдов Д.А. (2022) Классовое господство в эпоху посткапитализма. Часть 1. Этос персоналиата // Социологические исследования. № 7. С. 142–152.
- Davydov D.A. (2022) *Klassovoe gosподstvo v jepohu postkapitalizma. Chast' 1. Jetos personaliat* [Class Domination in the Era of Post-Capitalism. Part 1: The Ethos of The Personaliat]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 7, pp. 42–152. (In Russ.)
- Давыдов Д.А. (2021) Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: Рипол Классик. 336 с.
- Davydov D.A. (2021) *Postkapitalizm i rozhdenie personaliat* [Post-capitalism and the Birth of the Personaliat]. Moscow: Ripol Publ. 336 p. (In Russ.)
- Кагарлицкий Б.Ю. (2017) Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: ВШЭ. 280 с.
- Kagarlickij B.J. (2017) *Mezhdu klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma* [Between Class and Discourse: Left Intellectuals in Defence of Capitalism]. Moscow: HSE Publ. 280 p. (In Russ.)
- Кондрашов П.Н. (2016) Какого же Маркса мы читаем? Часть 2 // Дискурс-Пи. № 3-4. С. 238–246.
- Kondrashov P.N. (2016) *Kakogo zhe Marksa my chitaem? Chast' 2* [Which Marx We Read? Part 2]. *Diskurs-Pi*. no. 3-4, pp. 238–246. (In Russ.)

- Перри Л. (2022) Темная сторона сексуальной революции. Переосмысление эпохи эротической свободы. М.: Издательство АСТ. 320 с.
- Perri L. (2022) *Temnaja storona seksual'noj revoljucii. Pereosmyslenie jepohij eroticheskoy svobody* [The Case Against the Sexual Revolution]. Moscow: AST publ. 320 p. (In Russ.)
- Флорида Р. (2016) Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер. 384 с.
- Florida R. (2016) *Kreativnyj klass: Ljudi, kotorye sozdajut budushhee* [The Rise of the Creative Class]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 384 p. (In Russ.)
- Bohrer A.J. (2019) Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism. Bielefeld: Transcript-Verlag. 280 p.
- Borjas G.J. (2016) We Wanted Workers: Unraveling the Immigration Narrative. New York: W.W. Norton & Company. 240 p.
- Cafaro P. (2015) How Many Is Too Many? The Progressive Argument for Reducing Immigration into the United States. Chicago: University of Chicago Press. 336 p.
- Chibber V. (2022) Confronting Capitalism. How the World Works and How to Change It. New York: Verso. 176 p.
- Currid-Halkett E. (2017) The Sum of Small Things: A Theory of the Aspirational Class. Princeton: Princeton University Press. 272 p.
- Embery P. (2020) Despised: Why the Modern Left Loathes the Working Class. Cambridge: Polity. 216 p.
- Enke B., Polborn M., Wu A. (2022) Morals as Luxury Goods and Political Polarization. Working Paper. (<https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=62425>)
- Foster J.B. (2015) Marxism and Ecology. Common Fonts of a Great Transition // Monthly Review. Vol. 67. No. 7. Pp. 1–13.
- Geismer L. (2014) Don't Blame Us: Suburban Liberals and the Transformation of the Democratic Party. Princeton: Princeton University Press. 392 p.
- Gilbert J. (2020) Twenty-First Century Socialism. Cambridge: Polity. 140 p.
- Inglehart R. (1977) The Silent Revolution. Princeton: Princeton University Press. 496 p.
- Inglehart R. (1997) Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton University Press. 464 p.
- Johnson D.J. et al. (2019) Officer Characteristics and Racial Disparities in Fatal Officer-Involved Shootings // PNAS. Vol. 116. No. 32. Pp. 15877–15882.
- Kaba M., Ritchie A. (2022) No More Police: A Case for Abolition. New York: The New Press. 400 p.
- Lewis S.A. (2019) Full Surrogacy Now: Feminism Against Family. New York: Verso. 224 p.
- Lewis S. A. (2022) Abolish the Family: A Manifesto for Care and Liberation. New York: Verso. 128 p.
- Lomborg B. (2020) False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet. New York: Basic Books. 320 p.
- Markovits D. (2019) The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite. New York: Penguin Press. 448 p.
- Mouffe C. (2022) Towards a Green Democratic Revolution: Left Populism and the Power of Affects. New York: Verso. 96 p.
- Norris P., Inglehart R. (2019) Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press. 564 p.
- Nussbaum M.C. (2023) Justice for Animals: Our Collective Responsibility. New York: Simon-Schuster. 400 p.
- Pluckrose H., Lindsay J. (2020) Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody. Durham, DC: Pitchstone. 352 p.

- Purnell D. (2021) *Becoming Abolitionists: Police, Protests, and the Pursuit of Freedom*. New York: Astra House. 288 p.
- Sandel M. (2020) *The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux. 288 p.
- Shellenberger M. (2020) *Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All*. New York: Harper. 432 p.
- Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso. 272 p.
- Uhlmann N. E. (2019) *Abolish ICE*. New York: OR Books. 128 p.
- Wright E.O. (2021) *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. New York: Verso. 176 p.
- Yglesias M. (2020) *One Billion Americans: The Case for Thinking Bigger*. New York: Portfolio. 288 p.

Информация об авторе

Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

About the author

Dmitriy A. Davydov, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of the RAS). Address: 620108, Russia, Ekaterinburg, Sofia Kovalevskaya st., 16,. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 21.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 10.06.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023